

ПУБЛИКАЦИИ

В. А. Кучкин

ИЗДАНИЕ ЗАВЕЩАНИЙ МОСКОВСКИХ КНЯЗЕЙ XIV в.¹

Когда в 1766 г. в Московском архиве Коллегии иностранных дел по инициативе нового директора архива Г.-Ф. Миллера молодой сотрудник Н. Н. Бантыш-Каменский, впоследствии известный русский архивист и археограф, приступил к научному описанию хранившихся в МАКИД древних документов, то среди 218 русских грамот XIII—XVI в. он обнаружил 25 душевных грамот московских князей и княгинь. Душевыми, а со второй трети XV в. и духовными грамотами в Древней Руси называли завещания. Семь из обнаруженных Н. Н. Бантыш-Каменским княжеских завещаний относились к XIV в. и принадлежали к древнейшей части московского великокняжеского архива. Это были два завещания Ивана Калиты, одно завещание его старшего сына Симеона, два завещания брата Симеона великого князя Ивана Ивановича и два завещания сына последнего Дмитрия Донского. Завещание Симеона Ивановича и первое завещание его племянника Дмитрия Ивановича были написаны на бумаге, остальные — на пергамене. Составленное в 1766/67 г. Н. Н. Бантыш-Каменским описание этих документов, включавшее характеристику их внешнего вида, степени сохранности, примерную датировку (в широких хронологических рамках), краткое содержание, в 1772 г. было дополнено другим сотрудником МАКИД М. Н. Соколовским, охарактеризовавшим скреплявшие грамоты печати. Вскоре это описание стало достоянием общественности. Уже в 1773 г. Н. И. Новиков поместил в издаваемой им «Древней российской вивлиофике» сначала архивные описания самых ранних московских княжеских завещаний, а еще через два года опубликовал и сами завещания XIV в.

В итоге историческая наука и все любители русской истории получили в свое распоряжение ценнейший материал по истории одного из средневековых русских княжеств, составу владений князей-завещателей и их наследников, количеству и видам принадлежавших им сокровищ, т. е. недвижимому и движимому имуществу, как определяли такие свидетельства историки XVIII—XIX в., более всего интересовавшиеся именно этим содержанием предсмертных княжеских распоряжений. Со временем было выяснено, что княжеские завещания включают уникальные сведения о внутреннем управлении княжеством, в котором личное и частное сочеталось с семейным и коллективным, дают сведения о собиравшихся в городах и сельской местности налогах и их делении между князьями, свидетельствуют об организации княжеского хозяйства и занятых в этом хозяйстве категориях зависимого и свободного населения. Многочисленные названия городов, волостей и сел, перечислявшиеся в завещаниях, позволяют не только достаточно полно и точно определять состав, размеры и расположение княжеских уделов, но и исходя из компактности волостей и сел отслеживать степень заселенности и хозяйственной освоенности

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (грант № 07-01-00124 а).

территорий. Перечень и описание предметов княжеской казны давали возможность характеризовать быт людей XIV в. Особенно большое значение имело последнее завещание Дмитрия Донского 1389 г., установившее новые нормы наследования великокняжеского стола, впервые зафиксировавшее размеры ордынских выплат с владений каждого из наследников князя Дмитрия, определившее новые права и новую политическую роль вдовой матери — великой княгини.

Однако изучение душевных грамот московских князей XIV в. вызывало определенные трудности. Грамоты имели многочисленные и разнообразные дефекты. Многовековое и не всегда должное хранение привело к тому, что многие грамоты получили механические повреждения, от грамот отрывались и терялись фрагменты пергамента или бумаги, а вместе с ними уничтожалась и часть текста. Пергаменные и бумажные листы завещаний хранители свертывали в трубки, затем расплющивали и в таком состоянии хранили. При этом пергамен часто разрывался по линии графлений, особенно тогда, когда графления были сделаны острым предметом. В результате строки превращались иногда в узкие кожаные полоски, пергамен крошился, а текст становился дефектным или даже уничтожался. Сырость, колебания температуры, влияние солнечного освещения и пожаров приводили к обесцвечиванию текста и его угасанию. Позднейшие хранители делали не только различные пометы на оборотах грамот, но и вторгались, впрочем, редко, в основной текст завещаний. Писцы, писавшие грамоты, совершали разного рода описки и ошибки. Некоторые из них они тут же исправляли, другие так и остались незамеченными и неисправленными. Поэтому даже правильное прочтение грамот, не говоря об их интерпретации, становилось делом сложным, долговременным и кропотливым.

Из 7 душевных грамот московских князей XIV в. хуже всех сохранилась первая душевная грамота Дмитрия Донского. От нее до настоящего времени дошло только окончание — 6 неполных статей, тогда как, например, два завещания отца Дмитрия великого князя Ивана Ивановича включали по 31 статье каждое. Первое завещание Ивана Даниловича Калиты имело механические утраты к тому времени, когда душевные грамоты стал описывать Н. Н. Бантыш-Каменский. Последний отметил, что «середина грамоты вырвана, и во многих местах слова слиняли»². Действительно, и в настоящее время в грамоте из-за утраты фрагмента пергамента наличествует большая лакуна в тексте. Она начинается с середины строки 33 и заканчивается на середине строки 45. Размер утрат в строках 33—45 колеблется от 57 до 91 мм, или от 10 до 19 букв. Большие дефекты имеет также вторая душевная грамота великого князя Ивана Ивановича. Ее правый край сильно обветшал и имеет многочисленные утраты. Мелкие фрагменты пергамента утрачены и в центральной части грамоты. Такое состояние документа зафиксировал еще Н. Н. Бантыш-Каменский: «в середине и по краям многих речей недостает»³. Остальные 4 грамоты (второе завещание Ивана Калиты, завещание Симеона Ивановича, первое завещание Ивана Ивановича, второе завещание Дмитрия Донского) сохранились лучше, но и они имеют механические утраты текста и затухшие места. Это также было отмечено Н. Н. Бантыш-Каменским: «в некоторых местах грамоты слова слиняли» (о втором завещании Ивана Калиты), «в некоторых местах на грамоте слова слиняли» (о завещании Симеона), «по обим краям грамоты нескольких речей недостает» (о первом завещании Ивана Ивановича), «в некоторых местах грамоты слова слиняли» (о втором завещании Дмитрия Донского)⁴.

Плохое или неважное состояние подлинников приводило к тому, что текст грамот читался с ошибками и плохо понимался. В частности, составителям «Древней российской вивлиофики» никак не удавалось прочитать имя одной из дочерей Ивана Калиты, упомянутой в его завещаниях. Они печатали «Мр...ѣ» (первая душевная грамота Ивана Калиты) и просто «Мр...» (вторая душевная грамота Ивана Калиты) вместо «М(а)рьи». Во втором завещании Ивана Калиты они не смогли правильно прочитать плохо видимые буквы и поместили настоящую абракадабру — «Наворкеводка» вместо правильного «на Вори сво(бо)дка».

² РГАДА. Ф. 180. Оп. 13. Ед. хр. 426. Л. 3.

³ Там же. Л. 4.

⁴ Там же. Л. 3, 3 об., 5 об. — 6.

Составители «Собрания государственных грамот и договоров» в начале второго десятилетия XIX в. читали текст грамот гораздо увереннее, но и они допускали ошибки. Например, дожившее до их времени название волости Рогожь они передали как «Ротожь» (вторая душевная грамота Ивана Калиты), вместо названия другой волости — Мушкова гора — печатали название Мушкина гора⁵.

Особый интерес представляет прочтение одного места в завещаниях Ивана Калиты всеми публикаторами этих завещаний. В первой душевной грамоте этого князя в статье 2, в строке 10 после слова «[Гор]ки» и букв «се» утрачен фрагмент пергамена размером в 31 мм, где могло разместиться 6—7 букв. Далее видны остатки 6 букв и буквы «ою», являющиеся окончанием названия какого-то села. Первая из 6 разрушенных букв представлена всего лишь длинным «хвостом», опускающимся ниже строки, вторая — маловыразительным фрагментом, расположенным внизу строки. Хотя верхние части букв со второй по шестую утрачены, прочесть эти буквы можно: «вськ». Что касается первой буквы, то теоретически это могла быть одна из семи букв, которые писец грамоты дьяк Ивана Калиты Кострома писал с «хвостами»: «з» (земля), «р», «у», «ф» (ферт), «х», «ц» и «щ». В аналогичном месте второй душевной грамоты Ивана Калиты в строке 9 никаких механических утрат пергамена нет. Ясно читаются слова «Горки» и «село», а на некотором расстоянии от последнего слова буквы «евьскою». На эти буквы оканчивалось какое-то название села. Архивисты и публикаторы XVIII в. полагали, что село называлось «Астафьевскою». Тому были определенные основания. Во-первых, плохо видимые начальные буквы названия села занимали пространство в 21 мм, где могло разместиться 5 букв. Во-вторых, первая буква названия имела слева наклонную черту, напоминающую петлю буквы «а». В-третьих, буква, близкая к первой хорошо видимой букве «е», имела «хвост», а буква «ф» писалась с «хвостом». В-четвертых, село Астафьевское фигурировало в завещании Симеона Ивановича и во второй душевной грамоте Дмитрия Донского. Но все эти основания оказываются иллюзорными. В завещаниях Симеона и Дмитрия рассматриваемое название села писалось не через «а», а через «о»: «Остафьское»⁶, «Остафьевское»⁷. При сильном увеличении выяснилось, что наклонная черта первой буквы не образует петлю. Второй буквой не может быть «с», поскольку на месте второй буквы видна довольно длинная горизонтальная черта у основания буквы, буква же «с» писалась узким «калачиком». Наконец, буква с «хвостом» не буква «ф», а достаточно ясно видимая при увеличении буква «ц». Это подтверждается и текстом первой душевной грамоты Ивана Калиты. Там «хвост» утраченной буквы расположен не по середине литеры, как у буквы «ф», а с правой стороны и по расположению и начертанию мог принадлежать только букве «ц». Таким образом, название села во втором завещании Ивана Калиты явно оканчивалось на буквы «...цевьскою». Расстояние между словом «село» и буквами «...цевьскою» равно 16 мм. Там могло разместиться не более 4 букв. Хотя эти буквы сильно разрушены, прочесть их можно. Это буквы «лыс». Следовательно, название села было «Лысцевьскою», а не «Астафьевскою».

Сверка с подлинниками лучшего на сегодняшний день издания завещаний московских князей XIV в., предпринятого в 1950 г. Л. В. Черепниным, показала, что и эта публикация неточно отразила тексты оригиналов. Так, в первой и второй душевных грамотах Ивана Калиты, во второй душевной грамоте Ивана Ивановича, во второй душевной грамоте Дмитрия Донского не были воспроизведены символические инвокации — знаки креста перед текстом грамот. В первом завещании Ивана Калиты было написано «цѣрвьскій» (с выносным «с» под титлом; строка 37 грамоты), что должно было быть передано как «ц(ѣ)с(а)р(е)вьскій». Л. В. Черепнин же напечатал «ц(а)р(е)вьскій». В строке 48 грамоты написано «снѣ». В издании 1950 г. напечатано «[сынове]», будто это слово утрачено и его надо восстанавливать. Предлог «с» оригинала грамоты (строка 66) превращен в публикации в предлог «съ». Во втором завещании Ивана Калиты вместо «блюда» подлинника (строки 33—34) было напечатано

⁵ СГГД. Ч. I. М., 1813. С. 34.

⁶ РГАДА. Ф. 135. Отд. I. Рубр. I. № 3. Строка 14.

⁷ РГАДА. Ф. 135. Отд. I. Рубр. I. № 7. Строка 90.

«блюдо», вместо «Данищева» (строки 36–37) — «Данилищева», вместо «...а селца» (строка 72) — «...ца», вместо «Пофловское» (строка 74) — «Мфловское», вместо «Прокопыа» (строка 81) — «Прокофья» и т. д. В публикации 1950 г. душевной грамоты Симеона не отмечены поправки писца, а сохранившиеся его ошибки не исправлены. Вместо «мои богаре» (строки 31–32 оригинала) было напечатано «мога богаре», при передаче слова «коломеньскимъ» (строки 42–43 грамоты) не отмечено, что буква «л» не сохранилась. В слове «люд...и» (строки 49–50) после «д» отсутствует буква. Л. В. Черепнин восстановил текст как «людеи», не отметив, какая буква восстановлена. Но выше, в строке 38, читается «людии», и восстанавливать надо было букву «и», а не «е». Слово «е[сте]» из строки 50 грамоты напечатано с указанием, что последние три буквы слова отсутствуют. Однако буква «с» читается. При публикации первого завещания Ивана Ивановича⁸ вместо «без ъбиды» (строка 31 оригинала) Л. В. Черепнин напечатал «без обиды», вместо «гладький» (строка 50) — «гладъкий», вместо «сабля» (строка 58) — «сабля», вместо «псалъ» (под титлом; строка 80) — «пис(а)лъ». Слово «огнивчату» Л. В. Черепнин разделил на две части: «огнив» и «чату», отточием между ними показав, что в грамоте имеется механическая утрата текста. Но утрачен не текст, а часть пергамена, причем еще до того, как пергамен был использован для письма. Писец просто продолжил письмо, миновав отверстие в пергамене, текст же княжеского завещания он написал в данном месте без каких-либо пропусков (строка 53). Более чем в полутора десятках случаев буквы или группы букв, отсутствующие в первом завещании Ивана Ивановича, показаны в «Духовных и договорных грамотах» как существующие. Описки писца грамоты в одних случаях исправлялись без каких-либо пояснений, в других оставались без всякой правки. Исправления самого писца не отмечались. При передаче текста второй душевной грамоты Ивана Ивановича отступлений от написаний оригинала было сделано еще больше. Так, публикатор не принял во внимание тексты первого и четвертого фрагментов из пяти, в его время приклеенных в разных местах к правому краю грамоты. Многие буквы показаны как утраченные, на самом же деле они сохранились. Например, слово «Василцева» заключено в издании 1950 г. в квадратные скобки как полностью реконструированное, но первая буква «в» в подлиннике читается (строка 7 оригинала). По «Духовным и договорным грамотам» получается, что при упоминании Можайска в оригинале грамоты утрачено слово «сely», но на самом деле буква «с» сохранилась (строка 11). Одно из мест статьи 6 второго завещания Ивана Ивановича у Л. В. Черепнина передано следующим образом: «[Каневъ, Кошира, Гжелъ, Горѣтовка, Горки, село] на Сѣвърсѣѣ». Но буквы «кан» в слове «Каневъ» читаются, как и буквы «това» в слове «Горѣтова» (но не «Горѣтовка», как напечатал Л. В. Черепнин), буквы «г» и «ки» в слове «Горки» сохранились, а слово «Сѣвърсѣѣ» не имеет буквы «с» (строки 16–17 оригинала). И число подобных примеров может быть значительно увеличено. С другой стороны, примерно в трех десятках случаев в издании 1950 г. как существующие указаны места, которые во второй душевной грамоте Ивана Ивановича не читаются. В 11 случаях текст подлинника был прочитан и напечатан с ошибками. К тексту грамоты не были сделаны необходимые палеографические примечания, в результате чего описки писца XIV в. «подлтс» (строка 66) вместо «подѣлтс» и «памлтъ» (строка 73) вместо «памлтъ» остались неотмеченными. В целом ряде случаев неправильно был реставрирован текст в местах механической утраты пергамена. При публикации первой душевной грамоты Дмитрия Ивановича Л. В. Черепнин воспроизвел в своем издании без всяких пояснений целый ряд букв, которые в настоящее время не читаются. С другой стороны, он заключил в квадратные скобки, т. е. обозначил как утраченные, некоторые уцелевшие буквы. Так, в словах «[и чепь и сабли]» (строки 11–12 подлинника) буквы «че», «с» и «б» сохранились. То же надо сказать о буквах «св» и «г» в словах «[своеи кнѣг]ини» (строки 13–14), буквах «чет» (строка 15) в восстановленном Л. В. Черепниным слове «[четвертую]». При публикации второй душевной грамоты Дмитрия Донского Л. В. Черепнин

⁸ РГАДА. Ф. 135. Отд. I. Рубр. I. № 5. Данную грамоту Л. В. Черепнин напечатал как второй вариант завещания Ивана Ивановича. На самом деле хранящаяся там же под № 4 душевная грамота Ивана Ивановича списана с грамоты № 5.

также не отмечал ни писцовых исправлений текста, ни оставшихся незамеченными ошибок переписчика. Вместо слова «кнѣгинѣ» (строка 3 подлинника) он напечатал «кнѣгини», вместо «съ-тъѣздѣдем» (строки 49–50) — «с отъѣздѣдем», вместо «Шагатыю» (строки 62–63) — «Шаготью», вместо «Бстею» (строка 72) — «Бетею» и т. п. Подобных отступлений от текста оригинала последнего завещания Дмитрия Донского в публикации «Духовные и договорные грамоты» насчитывается более трех десятков.

Л. В. Черепнин был первым, кто введением квадратных скобок в издаваемые тексты стремился обратить внимание на то, какой текст утрачен или не читается и как должны быть восстановлены образовавшиеся в грамотах лакуны. В более ранних «Древней российской вивлиофике» и «Собрании государственных грамот и договоров» завещания московских князей были напечатаны почти без пропусков текста. Были отмечены единичные утраты. Так, во второй душевной грамоте Ивана Калиты многоточием обозначено место после слов «смѣнил с мѣтрополитомъ» и перед словами «а селца на Масѣ». В обоих завещаниях Ивана Ивановича многоточием отмечалось место между словами «съ наливкою серебряною» и буквами «ца золота». Несколько многоточий было поставлено в первом завещании Дмитрия Донского: перед текстом для обозначения утраты начала грамоты, перед и после слов «моимъ дѣтемъ», перед словами «Замошьскую свободу», между словом «Угожь» и буквами «дѣ», после слов «Дмитрьева свобода» и перед словами «село Павловское». Большое количество непрочитанных мест в сохранившемся отрывке первого завещания Дмитрия Донского объясняется имеющимися в нем крупными утратами и отсутствием в большинстве случаев каких-либо параллельных текстов, с помощью которых можно было бы эти утраты восстановить. Но отсутствие вырванной «средины грамоты» в первом завещании Ивана Калиты, а также «слинялых» слов в этом документе, недостающих «речей» во второй душевной грамоте Ивана Ивановича в изданиях 1775 и 1813 г. никак не отражено. Документы опубликованы без каких-либо текстовых потерь. Естественно, возникает вопрос: как появилась эта полнота? Была обнаружена «средина» первого завещания Ивана Калиты, фрагменты с недостающими «речами» второго завещания сына Калиты Ивана, удалось разглядеть и прочесть «слинялые» слова грамот? Или издатели прибегли к каким-то особым приемам, чтобы получить удобные для прочтения и исследования тексты? Чтобы ответить на данные вопросы, можно рассмотреть, как было передано различными издателями одно место из двух завещаний Ивана Ивановича.

Статья 9 первого завещания этого князя констатирует, что из доставшихся завещателю рязанских мест «на сеи сторонѣ Оки» он дал своему племяннику «кнѣз(ю) Володимеру в Лопастны (в оригинале описка: Ломастны. — В. К.) мѣста Новыи город(о)къ на оусть Порот[ли]». Тот же текст читается и во втором завещании Ивана Ивановича⁹. Уже в середине XX в. в «Указатель географических названий» к «Духовным и договорным грамотам великих и удельных князей XIV—XVI вв.» публикатор этих документов Л. В. Черепнин внес «Новый городок на усть-Пороти» и «Поротль, р.»¹⁰. Поскольку в тексте завещаний речь идет о «сей» стороне р. Оки, наиболее близкой Москве, очевидно, что имеется в виду окское левобережье. В таком случае р. Поротля, или Поротя, как указано в «Духовных и договорных грамотах», должна была впадать в Оку слева. Однако в бассейне р. Оки рек с такими названиями нет¹¹. Обращение к оригиналам завещаний Ивана Ивановича позволяет выяснить, что в первом из них буквы «Порот» приходятся на окончание строки 29, но самый конец этой строки разрушен, утрачен фрагмент пергамена размером в 14 мм, где могут разместиться 2–3 буквы. Во втором завещании до реставрации грамоты в 1998 г. наблюдалась почти аналогичная картина. Буквы «Порот» приходились на окончание 28-й строки, однако самый конец строки, где могло разместиться 2–3 буквы, был вырван. Вырван, но не утрачен. Фрагмент пергамена с буквами «вы а» в

⁹ ДДГ. № 4. С. 18, 15.

¹⁰ ДДГ. С. 547, 551.

¹¹ Смолицкая Г. П. Гидронимия бассейна Оки. М., 1976. С. 367.

первой строке, словом «кнѣз(ю)» под ними и словом «кнѣз(ѣ)» в третьей строке был выклеен позднейшими хранителями документа против строк 6–9 грамоты. Выясняется, что этот фрагмент содержит окончания строк 28–30 грамоты. В самом деле, после слова «кнѣз(ѣ)» в последней строке фрагмента должно следовать слово «великого», читающееся в основном тексте грамоты в самом начале строки 31. После слова «кнѣз(ю)», читающегося во второй строке фрагмента, должно следовать слово «Ивану», находящееся в самом начале строки 30. За союзом «а», которым кончается текст первой строки фрагмента, должны следовать слова «инаѣ мѣста», расположенные в самом начале строки 29. Следовательно, буквы «вы» первой строки фрагмента должны следовать за буквами «Порот» строки 28. Они дают чтение «Поротвы» («на оусть Поротвы»). Название «Поротва» хорошо известно. Так в старину называлась современная река Протва. В составленном в конце XIV в. списке «А се имена всѣм градом руским, далним и ближним» названа «Верея на Поротвѣ»¹². Через город Верею протекает р. Протва. Поэтому в тождестве Поротвы и Протвы сомневаться не приходится. Протва впадает в Оку слева, примерно в 20 км выше по Оке от Серпухова. Это точно соответствует тому, что Новый городок, данный в своем завещании великим князем Иваном Ивановичем племяннику Владимиру Серпуховскому, стоял на левом берегу Оки. Разъясняется и причина того, что именно этот Новый городок был передан серпуховскому князю. Он находился по соседству с его владениями.

Но почему во всех публикациях завещаний Ивана Ивановича печатали «на усть Поротли»? Во-первых, конечно, потому, что издатели XVIII–XX в. не обращали никакого внимания на выклеенный против строк 6–9 второй духовной грамоты Ивана Ивановича фрагмент пергамента с текстом. Во-вторых, создатель первых рукописных копий с завещаний Ивана Ивановича Н. Н. Бантыш-Каменский, установив, что после текста «на оусть Порот» буквы отсутствуют в обеих душевных грамотах великого князя Ивана, решил их восстановить. Поскольку в первом завещании Ивана Ивановича букв в данном месте сохранилось больше, чем во втором, именно первое завещание было взято Н. Н. Бантыш-Каменским за основу при восполнении текста. Там в конце строки 29 читалось: «Новый город(о)къ на оусть Порот..», а в начале строки 30: «А инаѣ мѣста рѣзаньскаѣ...». Союз «а» был написан очень схоже с буквой «л». Н. Н. Бантыш-Каменский и принял его за букву «л». Далее от слова «инаѣ» он отсоединил букву «и» и присоединил ее к букве «л». Получилось название реки в родительном падеже — «Поротли». В целом же фраза источника приобрела в копии Н. Н. Бантыш-Каменского такой вид: «Новый городокъ на усть Поротли ная мѣста Рязаньская»¹³. В слове «оусть» архивист прочел «ѣ» вместо «ь», а присоединив к букве «л» букву «и» из слова «инаѣ», сделал бессмысленным набор букв «ная». Показательно также, что буквы «ли» Н. Н. Бантыш-Каменский брал из начала 30-й строки, но утрата окончания слова «Порот» приходилась на конец строки 29, а не на начало следующей строки, на что Н. Н. Бантыш-Каменский не обратил внимания. Тем не менее он перенес окончание «ли» и во второе завещание Ивана Ивановича, а в «Древней российской вивлиофике» под влиянием копий Н. Н. Бантыш-Каменского было напечатано «Новый городокъ на усть Поротлиная, мѣста рязаньская» (первое завещание Ивана Ивановича)¹⁴ и «Новый городокъ на устью Паротли, старинная мѣста Рязанская» (второе завещание Ивана Ивановича)¹⁵.

Когда в начале XIX в. было решено переиздать завещания Ивана Ивановича по подлинникам, то сотрудники канцлера Н. П. Румянцева обратились к рукописным копиям этих завещаний Н. Н. Бантыш-Каменского, полагая, что они были сняты тогда, когда грамоты находились в лучшем состоянии, чем в их время. В результате чтение «Поротли» было помещено в текст обеих душевных грамот Ивана Ивановича¹⁶. При этом вместо букв «ная», как было в копии первого завещания Ивана Ивановича Н. Н. Бантыш-Каменского, в 1813 г. было правильно напечатано «а иная», как читалось в подлиннике.

¹² Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950. С. 477.

¹³ РГАДА. Ф. 135. Отд. I. Рубр. I. № 5. Л. 2 об.

¹⁴ Древняя Российская Вивлиофика. СПб., 1775. Ч. VIII. № VI. С. 239.

¹⁵ Там же. № V. С. 232.

¹⁶ СГГД. М., 1813. Ч. I. № 26. С. 42; № 25. С. 39.

Ошибку сотрудников канцлера Н. П. Румянцева повторил в 1950 г. Л. В. Черепнин, внося название несуществующей реки в текст душевных грамот Ивана Ивановича и (даже в двух видах!) в «Указатель географических названий» к своей публикации, о чем шла речь выше.

Приведенный пример наглядно демонстрирует, что первые издатели старались не оставлять пустых мест в публикуемых ими грамотах, они пытались различными способами восстановить исчезнувшие тексты, но делали это, не объясняя своих приемов, а последние не всегда были корректными. Совершенно очевидно, что механические утраты текста в первой душевной грамоте Ивана Калиты и во второй душевной грамоте Ивана Ивановича существуют теперь так же, как существовали они и в XVIII в. А отсутствие пробелов в изданиях XVIII—XIX в. этих грамот объясняется тем, что эти пробелы были заполнены издателями. Последние публиковали в «Древней российской вивлиофике» и «Собрании государственных грамот и договоров» по сути дела неоговоренные реконструкции грамот. В итоге ученый мир при изучении завещаний московских князей XIV в. пользовался восстановленными, причем иногда ошибочно, текстами, совершенно не подозревая об этом.

Откуда же брали первые издатели княжеских завещаний XIV в. материал для реконструкции утраченных текстов? Для самого позднего из перечисленных ранее княжеских завещаний XIV в. — второй душевной грамоты 1389 г. Дмитрия Донского — вопрос решается просто. Существует копия этой грамоты, сделанная в XV в. Копия написана на листе бумаге с водяным знаком «корона», датируемым 1430 г.¹⁷ Повидимому, это тот самый список с душевной грамоты 1389 г. Дмитрия Донского, который возил в 1431 г. в Орду второй сын Дмитрия Юрий Звенигородский и Галичский, надеясь получить там от хана великое княжение¹⁸. Наличие такой копии позволяет достаточно уверенно восстанавливать утраченные слова и буквы в оригинале грамоты 1389 г., хотя правый край бумажного листа копии сильно обветшал и имеет утраты на всем своем протяжении. Но в сборнике 70-х г. XV в. сохранилась еще одна копия второй душевной грамоты 1389 г. Дмитрия Ивановича¹⁹, которая позволяет восполнить и эти потери.

Для завещаний Ивана Калиты и Ивана Ивановича источниками воссоздания их текстов являются сами эти грамоты. Если утрачен текст, например, в первой душевной грамоте Ивана Калиты, то его можно восстановить по второй душевной грамоте этого князя, и наоборот, что утрачено во второй грамоте, восстанавливается по первой. Именно так Н. Н. Бантыш-Каменский и сотрудники канцлера Н. П. Румянцева сумели закрыть большую лакуну в строках 33—45 первой душевной грамоты Ивана Калиты. Однако такая реконструкция возможна только в том случае, если тексты двух грамот совпадают перед лакуной в одной из них и после нее. Если же лакуна приходится на одно и то же место двух грамот, то реконструкция осуществляется с помощью аналогичных или сходных формул других грамот, а если нет и таких формул, то реконструкция становится невозможной, что показывает разобранный выше пример с названием «Поротля». Нельзя правильно восстановить текст и в тех случаях, когда между текстами двух грамот есть расхождения. Например, в статье 2 первой душевной грамоты Ивана Калиты указывается, что старший сын Симеон после смерти отца должен получить «Коломьну со всеми коломеньскими волостми, Городенку, Мъзыню, Пъсочну, Похрање...». В той же статье 2 второй душевной грамоты Ивана Калиты текст иной: «Коломну со всеми колом[ен]скими вол(о)стями, Городенку, Мъзыню, Пъсочну и Середокоротну, Похрање...». Очевидно, что если бы в одной из грамот текст между словами «Мъзыню» и «Похрање» был уничтожен, то верно реконструировать его было бы нельзя. Точно так же нарушение порядка слов в статье 7 завещаний Ивана Ивановича («сел(о) Дъмонтавское, сел(о) Андрѣвское, сел(о) Кариньское, сел(о) Козловское, сел(о) в Замошьской свободѣ, сел(о) Выславское, сел(о) Кузминьское» — первое завещание Ивана Ивановича

¹⁷ РГАДА. Ф. 135. Отд. I. Рубр. I. № 8. Briguet. № 4637.

¹⁸ ПСРЛ. М., 1949. Т. XXV. С. 249.

¹⁹ РНБ. Q. XVII. 58. Л. 39—41 об., 42 об., 43, 44—46 об. Л. В. Черепнин установил, что текст грамоты должен располагаться в такой последовательности: Л. 42 об., 41—41 об., 40—40 об., 39—39 об., 46—46 об., 45—45 об., 44—44 об., 43 (см.: Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы XIV—XV веков. М., 1951. Ч. 2. С. 351).

и «сел(о) в Замошьской свободѣ, сел(о) Выславское, [село К]узми[ньское], сел(о) [Дѣмонто]вское, сел(о) Андрѣевское, сел(о) Кариньское, сел(о) Ко[зловское]» — второе завещание Ивана Ивановича) при больших утратах текста в последнем завещании Ивана Ивановича (например, полном уничтожении названий «Кузминьское», «Дѣмонтовское» и «Козловское») не давало бы возможности корректно восстановить утраченный текст.

Что касается завещания Симеона и первого завещания Дмитрия Донского, то никаких копий этих грамот или параллельных им текстов не сохранилось. Восстановление испорченных в них мест возможно только на основе анализа сохранившихся букв и привлечения для реконструкции утраченного текста элементов и оборотов, содержащихся в других завещаниях московских князей XIV в.

Проведенная Н. Н. Бантыш-Каменским, Н. И. Новиковым, сотрудниками канцлера Н. П. Румянцева работа по устранению дефектов текста в первой и второй душевных грамотах Ивана Калиты, в первой и второй грамотах Ивана Ивановича, а также в первой грамоте Дмитрия Донского, лишенная каких-либо пояснений и оговорок, создавала впечатление большой цельности опубликованных источников. На деле же это была реконструкция, причем не всегда обдуманная, чаще всего сводившаяся к механическому переносу сохранившегося текста на место утраченного.

Так, статья 6 первой душевной грамоты Ивана Калиты заканчивается следующим образом: «Исиновско... ое, село Ногатиньское». Перед буквами «ое» утрачен фрагмент пергамена размером в 80 мм. На таком пространстве должно было размещаться 16–17 букв. В той же статье второй душевной грамоты Ивана Калиты текст сохранился полностью: «Исиновское, село Коломнинское, село Ногатиньское». В «Древней российской вивлиофике» и в «Собрании государственных грамот и договоров» текст статьи 6 первого завещания Ивана Калиты был дополнен буквами «е село Коломнинск». Эти 15 букв были взяты из второй душевной грамоты Калиты. Но в первой грамоте на утраченном пространстве должно было размещаться на 1–2 буквы больше. Поэтому следует реконструировать скорее «Коломниньск», а не «Коломнинск», введя букву «ь», как такая буква читается в написанном рядом слове «Ногатиньское».

В первой душевной грамоте сына Калиты Ивана в статье 6 в конце строки 13 и в начале строки 14 текст сохранился в таком виде: «а по ее жив... Дмитрию». От букв «жив» до слова «Дмитрию» утрачен пергамен общим размером в 64 мм, где могло разместиться 15–16 букв. Во второй душевной грамоте Ивана Ивановича в данном месте читается «по ее животѣ тѣ волости и села с(ы)ну моему, княз(ю) Дмитрию». Издатели «Древней российской вивлиофики» и «Собрания государственных грамот и договоров» лакуну в первом завещании Ивана Ивановича заполнили сохранившимся текстом второго завещания. Л. В. Черепнин в 1950 г. в «Духовных и договорных грамотах» ограничился перенесением в первое завещание только букв «отѣ» и слов «тѣ волости сыну моему, князю», опустив слова второго завещания «и села». Однако самая меньшая по числу букв реконструкция Л. В. Черепнина насчитывает 26 букв. Она оказывается на 10–11 букв больше объема утраченного текста. Очевидно, слова «тѣ волости» в первом завещании Ивана Ивановича не читались.

В конце той же статьи 6 первой душевной грамоты Ивана Ивановича текст также отсутствует: «за княгинью за М(а)рь(е)ю села, т... живота, а по ее животѣ тѣ села с(ы)ну моему, княз(ю) Дмитрию». Прямой параллели приведенным словам во второй душевной грамоте Ивана Ивановича нет. Но по логике процитированных оборотов следует, что в утраченном отрывке речь шла о владении княгиней Марьей селами до конца жизни. После ее смерти владельческая принадлежность сел должна была стать иной. Публикаторами XVIII–XX в. пропуск заполнялся буквами «ѣ до ее», т. е. «тѣ до ее живота». Однако между буквой «т» и словом «живота» утрачен фрагмент пергамена размером в 41 мм, где могло разместиться 9–10 букв. Реконструкция же состоит всего из 5 букв. Скорее всего за словом «тѣ» читалось слово «села», которое и заполняет собой пробел в 4–5 букв.

В статье 13 второй душевной грамоты Ивана Ивановича на слове «кнѣгини» прерывается текст строки 36 грамоты. Утрачен фрагмент пергамента размером в 20 мм, где может разместиться 4—5 букв. Окончания расположенной выше строки 35 и расположенной ниже строки 37 также утрачены, и размеры утрат в них тоже составляют по 20 мм. Но умецаются в этих утратах слова не в 4, а в 5 букв, соответственно «мѣсто» и «своеи», восстанавливаемые на основании первой душевной грамоты князя Ивана. Очевидно, в конце строки 36 размещалось слово или слова в 5 букв. Восстановить эту потерю по первой душевной грамоте Ивана Ивановича можно лишь отчасти, потому что окончания статей 13 в обоих завещаниях разнятся: «в то мѣсто и кнѣгини подѣлѣтсѧ безъпѣнными мѣсты» (первое завещание) и «и кнѣгини... мѣсто подѣлѣтсѧ безъпѣнными мѣсты» (второе завещание). Тем не менее во всех изданиях XVIII—XX в. лакуна во второй душевной грамоте Ивана Ивановича восполнялась текстом первой грамоты — «в то». Но восполненными оказываются только 3 буквы из 5. Поэтому предпочтительнее оказывается реконструкция «моѧ в то» («кнѣгини [моѧ в то] мѣсто»), что точнее соответствует размеру утраты и определению княгини в предшествующей статье 12 грамоты.

Наоборот, в статье 14 второй душевной грамоты Ивана Ивановича существующую реконструкцию текста приходится не расширять, а сужать. В указанной статье текст сохранился в таком виде: «Лысце[вско]е... Москвѣ селце Семциньское». Между второй буквой «е» в слове «Лыцевское» и буквой «м» («Москве») утрачен фрагмент пергамента размером в 6 мм, где может разместиться 1—2 буквы. Левая часть первой буквы сохранилась. Лакуна заполняется предлогом «на» по тексту первой духовной грамоты Ивана Ивановича, где читается «Лыцевское, сел(о) Семциньское на Москвѣ». Неоговоренная реконструкция «да на», воспроизведенная во всех изданиях грамоты XVIII—XX в., неприемлема, поскольку для союза «да» в грамоте нет места.

В сильно попорченной первой духовной грамоте Дмитрия Донского в строках 14 и 15 читается следующий текст: «а к с(ва)теи Б(огороди)ци на Круцицю чет... ломеньское, а костки московские к с(ва)тѣ Б(огороди)ци». В строке 14 после букв «чет» текст до конца грамоты на пространстве 55 мм не читается. Сразу за этой утратой в начале строки 15 читаются буквы «ломеньское». Статьи 28 обоих завещаний отца Дмитрия великого князя Ивана Ивановича зафиксировали пожертвование завещателя: «ис тамги ис коломеньское четвертую часть дал есмь к с(ва)тѣи Б(огороди)ци на Крут[ицю со]бѣ в памѧть». Поэтому сохранившиеся буквы «ломеньское» должны быть дополнены буквами «ко», с которых в строке 14 начиналось слово «коломеньское». Перед этим определением должно было читаться определяемое слово, и, судя по духовным грамотам Ивана Ивановича, это слово «тамга». Что же было утрачено после букв «чет»? Н. Н. Бантыш-Каменский, Н. И. Новиков, сотрудники канцлера Н. П. Румянцева, Л. В. Черепнин, словом, все без исключения издатели первого завещания Дмитрия Донского восстанавливали текст на основании завещания Ивана Ивановича: «четвертую часть». Но, поскольку в строке 14 на 55 мм утраты может разместиться 9—10 букв, а 7 из них уже восстановлены, окончание слова с сохранившимися начальными буквами «чет» и последующее слово не могут состоять из 11 букв, как полагали публикаторы XVIII—XX в. Слово с начальными буквами «чет» может быть реконструировано только как «четв(е)рть» с выносной буквой «в» и буквами «рть» в строке. Эти 3 буквы как раз соответствуют оставшемуся количеству утраченных букв.

Приведенные примеры делают наглядными два заключения. Во-первых, если просто воспроизводить только сохранившийся текст княжеских завещаний XIV в., то он читаться не будет. Вместо слов, связанных в предложения, во многих случаях будут части слов и даже отдельные буквы, а иногда не будет даже их. Текст потеряет смысл. Поэтому, и это во-вторых, при публикации грамот утраченный текст необходимо восстанавливать. Однако реконструкция утраченного текста в каждом конкретном случае требует предварительного точного установления размеров утраты, расчета количества исчезнувших букв и только потом обращения к параллельным или близким текстам, если они сохранились, для заполнения лакун.

При этом определение количества утраченных букв в грамотах имеет свою специфику. Писцы оригиналов княжеских душевных грамот обычно фиксировали левое поле пергаменного или бумажного листа, от которого они начинали письмо. Поэтому начала строк в грамотах шли по одной вертикальной линии. Правое же поле фиксировалось не всегда, и окончания строк могли как доходить до поля, так и не доходить до него или же заполнять поле. Писцы старались, чтобы строка оканчивалась на полную или редуцированную гласную, иногда — на целое слово, а потому к концу строки уплотняли письмо, чтобы поместить соответствующую букву или целое слово. Случаи разгонки текста в конце строки очень редки. Уплотнение письма приводило к тому, что на одном, например, дециметре пергамена или бумаги размещалось больше букв, чем в начале или в середине строки. Более всего грамоты разрушались по краям. Но верх, низ и левый край грамоты имели поля, которые защищали текст от порчи, поскольку сначала разрушению подвергались поля. Более всего страдал правый край грамоты и окончания строк текста. Точный промер в миллиметрах имеющихся там утрат вполне осуществим, а такое же измерение в количествах букв вызывает затруднение. Ведь по сути дела приходится прибегать к аналогиям и подсчитывать, сколько букв могло уместиться на утраченном фрагменте пергамена или бумаги на равном ему по размеру сохранившемся тексте, но не уплотненного, а свободного письма. Последнее обстоятельство влияет на точность подсчетов, делая их отчасти относительными. Прделанная работа по определению размеров утраченных фрагментов и количества исчезнувших букв в завещаниях Ивана Калиты и Ивана Ивановича показала, что обычная погрешность составляет $\pm 1-2$ буквы на фрагмент размером от 20 мм, а максимальная — ± 3 буквы. Более высокая погрешность заставляет думать о том, что текст в параллельных грамотах был несколько иным и его нельзя восстанавливать путем прямого переноса сохранившегося текста на место исчезнувшего.

При передаче текста завещаний московских князей XIV в. сохраняются все буквы древнерусского алфавита, которые в современном русском алфавите отсутствуют. Сохраняются и древнерусские цифры-буквы. В частности, в публикуемой ниже первой душевной грамоте Ивана Калиты цифры 2, 3, 4, 14 и 100 передаются древнерусскими цифрами, соответственно $\vec{в}$, $\vec{г}$, $\vec{д}$, $\vec{д}$ и $\vec{р}$. Воспроизводится символическая инвокация. Не воспроизводятся имеющиеся в душевных грамотах редкие надстрочные и строчные знаки. Имена собственные и названия стран и народов печатаются с большой буквы.

Выносные буквы вставляются в строку и обозначаются курсивом. Сокращенные написания с выносом или без выноса буквы под титло полностью раскрываются, а реконструированные буквы вставляются в строку в круглых скобках. Буквы, пропущенные писцами по ошибке, восстанавливаются и заключаются в угловые скобки. Все поправки писцов отмечаются. Одной вертикальной чертой отмечаются окончания строк. Обозначение границ строк оказывается весьма полезным при решении вопроса, какая грамота была оригиналом, а какая списывалась с нее. Отмеченная выше инверсия текста в окончании статьи 7 двух завещаний Ивана Ивановича позволила установить, что считавшаяся долгое время первая душевная грамота Ивана Ивановича на самом деле списана с другой его грамоты, где текст «сел(о) в Замошской свободѣ» находился в середине строки под текстом «сел(о) Дѣмонтовское». Писец второй грамоты в процессе работы перенес взгляд с верхней строки на то же самое место нижней строки и продолжил свой перечень сел с села в Замошской слободе. Он увидел ошибку и, дописав текст о селах до конца, вернулся к пропуску, скопировав текст в той последовательности, что была в лежавшей перед ним грамоте, но поместив этот текст в конце перечня своего экземпляра. В данном случае расположение слов в строчках позволяет решить важную дилемму о старшинстве грамот. Нумерация строк по пятиричной системе вынесена на боковые поля публикации.

Утраченный или плохо читаемый текст по мере возможности восстанавливается. Восстановленный текст заключается в квадратные скобки. В подстрочных примечаниях в миллиметрах указываются размеры механических утрат или затухания текста, определяется количество утраченных или невидимых букв и

указывается источник реконструкции. Правописание такого источника сохраняется в реконструированном тексте. При невозможности восстановить текст утраченные места обозначаются многоточием.

В публикациях 1775 и 1813 г. текст княжеских завещаний печатался целиком, без какого-либо разделения на абзацы. Л. В. Черепнин в 1950 г. сделал текст менее монотонным, он ввел абзацы. Однако красная строка в одних случаях обозначала у него начало раздела, а в других случаях — начало статьи. В предлагаемой публикации текст княжеских завещаний XIV в. впервые последовательно разделен на статьи, а сами статьи пронумерованы арабскими цифрами. Это значительно облегчает пользование источниками, поскольку сразу определяется их объем, тематика и эволюция прописанных в них норм княжеского владения и управления.

[1336 г.] Первая душевная грамота великого князя Ивана Даниловича Калиты

† Во имѧ о(т)ца и с(ы)на и с(вѧто)го¹ д(у)ха, се ꙗзъ, грѣшныи худыи рабъ б(ож)ии Иван, | пишу д(у)ш(е)вную грамоту, и да във Орду, никимъ не нужень, цѣлымъ сво|имъ оумомъ, въ своѣмъ | 1
здоровьи. Аже б(ог)ъ что розгадакъъ о моѣмъ | животѣ, даю рѧдъ с(ы)н(о)мъ своимъ и княгини своѣи.
1. Приказываю | с(ы)н(о)мъ своимъ [о]д(чи)ну² свою Москву. А се ꙗсмь имъ роздѣль оучинил. |
2. Се даль ꙗсмь с(ы)ну своѣму болшему Семену: Можакскъ, Коломь|ну со всеми коломенскими | 5
волостми, Городенку, Мѣзыню, | Пѣсочну, Похране, Оусть-Мерьску, Брошевую, Гвоздну, Ивани,
Де|ревни, Маковецъ, Лѣвичингъ, Скулневъ, Каневъ, Гжелю, [Го]рѣтову³, [Гор]ки⁴, се[ло Лысц]евскоѣ⁵,
село на Сѣверьсцѣ в Похрань|скомъ оуѣздѣ, село Костантинское, село Орининское, село О|стровское,
село Копотеньское, селце Микульскоѣ, село Малахо|вьскоѣ, село Напрудское оу города. | 10
3. А при своѣмъ животѣ даль ꙗсмь с(ы)ну своему Семену: д чепи золоты, г поѧсы золоты, в
ча|ши золоты с женчуги, блюде золото с женчугомъ с каменьѣмъ. | А к тому⁶ ещ[е]⁷ дал ꙗсмь ꙗму в
чума золота болшаѧ. А исъ судов | исъ серебряныхъ дал ꙗсмь ꙗму г блюда сербьрна. | 15
4. А се даю с(ы)ну | своѣму Ивану: Звенигородъ, Кремичну, Рузу, Фоминскоѣ, | Суходоль,
Великую свободу, Замошьскую свободу, Оугожь, [Росто]вци⁸, Окатьева свобода, Скирминовскоѣ,
Тростна, [Нѣгуча]⁹. | А села: село Рюховскоѣ, село Каменичьское, село Рузьс[коѣ, се]л¹⁰
Бѣлжиньскоѣ, село Максимовское, село Андрѣйскоѣ, | село Вѧземьскоѣ, село Домонтовскоѣ, село | 20
в Замошьской [сво]бодѣ¹¹, село Семциньскоѣ.

¹ Окончание (о)го пишется по аналогии с окончанием слова великого в строках 82-83 грамоты

² Между буквами ѣ (своимъ) и д (одчину) утрачен фрагмент пергамента размером в 6 мм, где может разместиться 1 буква. Восстановлено на основании второй духовной грамоты Ивана Калиты

³ Между буквами ю (гжелю) и р (горѣтову) утрачен фрагмент пергамента размером в 9 мм, где может разместиться 2 буквы. Восстановлено на основании второй духовной грамоты Ивана Калиты

⁴ Между буквами у (горѣтову) и к (горки) утрачен фрагмент пергамента размером в 16 мм, где может разместиться 3 буквы. Восстановлено на основании второй духовной грамоты Ивана Калиты

⁵ Верхние части букв евск утрачены, от буквы ц сохранилась только правая часть. Между буквами е (село) и е (лысцевскоѣ) утрачен фрагмент пергамента размером в 31 мм, где может разместиться 6-7 букв. Восстановлено на основании второй духовной грамоты Ивана Калиты

⁶ Буквы то частично разрушены

⁷ Буква щ разрушена частично, следующая за ней буква е утрачена. Восстановлено по смыслу

⁸ Между буквами ѣ (оугожь) и в (ростовци) текст угас и не читается на пространстве размером в 17 мм, где может разместиться 3-4 буквы. Восстановлено на основании второй духовной грамоты Ивана Калиты

⁹ Между буквами а (тростна) и а (а) текст угас и не читается на пространстве размером в 34 мм, где может разместиться 7 букв. Восстановлено на основании второй духовной грамоты Ивана Калиты, но окончание у заменено на окончание а в соответствующих употребленных в первой духовной грамоте Ивана Калиты грамматическими формами

¹⁰ Между буквами с (рузьскоѣ) и л (село) текст угас и не читается на пространстве размером в 29 мм, где может разместиться 6 букв. Восстановлено на основании второй духовной грамоты Ивана Калиты

¹¹ Между буквами и (замошьской) и б (свободѣ) текст угас и не читается на пространстве размером в 13 мм, где может разместиться 2-3 буквы. Восстановлено на основании второй духовной грамоты Ивана Калиты

5. А изъ золота даль ꙗсмь с(ы)ну своѣму | Ивану: д̄ чепи золоты, погасъ болшии с женчугомъ с
25 кам[ень] ꙗсмь¹², погасъ золотъ с капторгами, погасъ сердоничень, золо[т] ꙗомь¹³ окованъ, в овкача золота,
в чашки круглыѣ золо[ты], блюдо серебряно ѣздниньскоѣ, в блюди меншии.

6. А се | даль ꙗсмь с(ы)ну своѣму Андрѣю: Лопастну, Сѣверьску, Наруни|жскоѣ¹⁴, Серпоховъ,
30 Нивну, Темну, Голичичи, Цитовъ, Пере|мышль, Растовець, Тухачевъ. А се села: село Талежьскоѣ,
се[ло] Серпоховьское, село Колбасиньскоѣ, село Нарьскоѣ, сел[о]¹⁵ | Перемышльск[оѣ], село
Битаговьскоѣ¹⁶, село Труфоновскоѣ, село | Исиновьско[ѣ], село Коломниньскоѣ¹⁷, село Ногатиньское.

35 7. А изъ | золота дал ꙗсм[ь] сыну своѣму Андрѣю: д̄ чеп[и]¹⁸ золоты, погасъ золотъ фр[а]зский
с женч[угомъ с каменьем]¹⁹, погасъ золотъ с крюкомъ | [на червчатѣ шелку, погасъ золотъ]²⁰
ц(е)с(а)р(е)вський, в чары золот(ы), | в чу[мк]а²¹ золо[та] меншага. А изъ блюдь: ²²блюдо серебряно,
а в | малага.

8. А се да[ю] кнѣгини своѣи с ме]ншими²³ дѣтми: Сурож|икъ, Мушк[ов]у²⁴ гору,
40 [Радонѣжьское, Б]ѣли²⁵, Вор[а], Черноголов²⁶, | на Вори свободка Соф[роновьскага], В]охна²⁷, Дѣиково
раменьє, | Данилищова свобод[ка, Машевъ, Сел]на²⁸, Гуслица, Раменьє, | что было за кнѣгинею. [А

¹² Между буквами м и ꙗ текст угас и не читается на пространстве размером в 22 мм, где может разместиться 4–5 букв. Восстановлено на основании второй духовной грамоты Ивана Калиты

¹³ Между второй и третьей буквами о текст угас и не читается на пространстве размером в 6 мм, где может разместиться 1 буква. Восстановлено на основании второй духовной грамоты Ивана Калиты

¹⁴ Текст почти не виден. После буквы ж нет места для буквы ь, которая воспроизводилась в изданиях грамоты XVIII–XX вв. Последняя буква более похожа на ꙗ, а не на е, которая также постоянно воспроизводилась в изданиях грамоты XVIII–XX вв.

¹⁵ Между буквами л (село) и п (перемышльскоѣ) текст угас и не читается на пространстве размером в 10 мм, где может разместиться 2 буквы. Восстановлено на основании второй духовной грамоты Ивана Калиты

¹⁶ Между буквами к (перемышльскоѣ) и второй буквой о (битаговьское) утрачен фрагмент пергамента размером в 76 мм, где может разместиться 15–16 букв. Восстановлено на основании второй духовной грамоты Ивана Калиты

¹⁷ Между второй буквой о (исиновьскоѣ) и третьей буквой о (коломниньское) утрачен фрагмент пергамента размером в 86 мм, где может разместиться 17–18 букв. Восстановлено на основании второй духовной грамоты Ивана Калиты. Исходя из размеров утраты и принимая во внимание наличие свободного места перед словом село, перед этим словом должна была читаться буква ꙗ, а перед буквами ск должно было быть написано нь, а не н, как читается в изданиях грамоты XVIII–XIX вв.

¹⁸ Между буквой м (ꙗсмь) и буквой и (чепи) утрачен фрагмент пергамента размером в 83 мм, где может разместиться 17–18 букв. Восстановлено на основании второй духовной грамоты Ивана Калиты

¹⁹ Между буквой ч (женчугомъ) и буквой п (погасъ) утрачен фрагмент пергамента размером в 81 мм, где может разместиться 16–17 букв. Восстановлено на основании второй духовной грамоты Ивана Калиты

²⁰ Буквы на червчатѣ сильно разрушены, от них сохранились отдельные фрагменты. Далее утрачен фрагмент пергамента размером в 87 мм, где может разместиться 18–19 букв. Восстановлено на основании второй духовной грамоты Ивана Калиты

²¹ От буквы у до буквы а текст стерт и не читается на пространстве в 21 мм, где может разместиться 4 буквы. Восстановлено на основании второй духовной грамоты Ивана Калиты

²² Между второй буквой о (золота) и буквой б (блюдо) утрачен фрагмент пергамента размером в 87 мм, где может разместиться 18–19 букв. Восстановлено на основании второй духовной грамоты Ивана Калиты кроме букв бл, которые там тоже утрачены. Последние восстановлены по контексту грамоты

²³ Между буквой а (даю) и буквой н (меншими) утрачен фрагмент пергамента размером в 91 мм, где может разместиться 18–19 букв. Восстановлено на основании второй духовной грамоты Ивана Калиты

²⁴ Между буквой к и буквой у утрачен фрагмент пергамента размером в 11 мм, где может разместиться 2 буквы. Восстановлено на основании второй духовной грамоты Ивана Калиты

²⁵ Между буквой у (гору) и буквой ѣ (ѣли) утрачен фрагмент пергамента размером в 76 мм, где может разместиться 14–15 букв. Восстановлено на основании второй духовной грамоты Ивана Калиты

²⁶ Строка 40 оканчивается буквой л. Для следующей буквы ь, которая воспроизводилась во всех изданиях грамоты XVIII–XX вв., места нет

²⁷ Между буквой ф (софроновьскага) и буквой о (вохна) утрачен фрагмент пергамента размером в 64 мм, где может разместиться 11–12 букв. Восстановлено на основании второй духовной грамоты Ивана Калиты

²⁸ Между буквой д (свободка) и буквой н (селна) утрачен фрагмент пергамента размером в 63 мм, где может разместиться 11–12 букв. Восстановлено на основании второй духовной грамоты Ивана Калиты

села: село М]ихаиловско²⁹, село Луци|ньско^к, село [о]у³⁰ озера, [село Радонѣж]ско³¹, село Дѣгунинь|ско^к, село Тыловско[е, Рогожъ, село П]ротасъ[е]вско³², с[ело А]ристо|вско³³, село Лопастеньско³⁴, село Михаиловско^к на Йоузѣ, в селѣ Коло[м]енский³⁵. | 45

9. А из городьских волостии даю кнѣгини своѣи осм[нич]ек³⁶. |

10. А тамгою и иными волостми городьскими подѣл[а]тс[а]³⁷ с(ы)н(о)ве | мои.

11. Тако же и мыгы, которыи в котормъ оуѣздѣ, то тому. |

12. А оброкомъ медовымъ городьскимъ Василцева вѣданыа по|дѣл[а]тс[а] с(ы)н(о)ве мои. 50

13. А что моихъ бортниковъ и оброчниковъ | купленыхъ, которыи в которой росписи, то того.

14. А по моимъ | грѣхомъ ци имуть искати татарове которыхъ волостии, а о|тоимутьс[а], вамъ, с(ы)н(о)мъ моимъ, и кнѣгини моѣи подѣл[а]ти | вы с[а] опать ты[м]и³⁸ волостми на то мѣсто.

15. А численныи люд(и) | ать вѣдаютъ с(ы)н(о)ве мои собча, а блюд(у)тъ вси с одного. 55

16. А что мои | люд(и) куп[лени] въ вел(и)комъ³⁹ свертцѣ, а тыми с[а] подѣл[а]тъ с(ы)н(о)ве мои. |

17. А что золото кнѣгини моѣи Оленино, а то ксмы дал дчери своѣи Фетиныи, дѣ обручи и ожерельк м(а)т(е)ри ке. Монисто н[о]во|к⁴⁰, что ксмы сковаль, а чело и гривну, то есмь дал при собѣ⁴¹.

18. А что е|смь придобылъ золота, что ми дал б(о)гъ, и коробочку золотую, а | то есмь даль кнѣгини своѣи с меншими дѣтми. 60

19. А ис по|ртъ⁴² из моихъ с(ы)ну моѣму Семену: кожухъ черленыи женчужь|ныи, [шапка]⁴³ золотая.

20. А Ивану, с(ы)ну моему: кожухъ желтая | обирь с женчугомъ, коць вел(и)кѣи с бармами.

21. Андрѣ]ю⁴⁴, с(ы)ну | моѣму: бугаи соболии с напечки с великимъ женчугомъ | с каменьемъ, 65

скорлатно^к портице сажено з бармами.

²⁹Между буквой ю (кнѣгинею) и первой буквой и (михаиловско^к) утрачен фрагмент пергамента размером в 57 мм, где может разместиться 10–11 букв. Восстановлено на основании второй духовной грамоты Ивана Калиты

³⁰Между словами село и озера расстояние в 17 мм, где может разместиться 3–4 буквы. Буква у видна, буква о реконструирована на основании чтения оу во второй духовной грамоте Ивана Калиты

³¹Между буквой а (озера) и буквой с (радонѣжско^к) утрачен фрагмент пергамента размером в 63 мм, где может разместиться 11–12 букв. Восстановлено на основании второй духовной грамоты Ивана Калиты

³²Между второй буквой о (тыловское) и буквой р (протасьевско^к) утрачен фрагмент пергамента размером в 65 мм, где может разместиться 12–13 букв. Из-за механической утраты пергамента отсутствует также буква е перед буквой в в слове протасьевско^к. Восстановлено на основании второй духовной грамоты Ивана Калиты

³³Между буквой с (село) и буквой р (аристовско^к) утрачен фрагмент пергамента размером в 22 мм, где может разместиться 4–5 букв. Восстановлено на основании второй духовной грамоты Ивана Калиты

³⁴Слова село лопастеньско^к вписаны над строкой более мелким почерком и более светлыми чернилами

³⁵Между второй буквой о и буквой е в слове коломенский утрачен фрагмент пергамента размером в 5 мм, где может разместиться 1 буква. Восстановлено на основании второй духовной грамоты Ивана Калиты

³⁶В слове осмничек между буквами м и е утрачен фрагмент пергамента размером в 16 мм, где может разместиться 3 буквы. Восстановлено на основании второй духовной грамоты Ивана Калиты

³⁷В слове подѣл[а]тс[а] в двух случаях отсутствуют буквы а из-за механических утрат пергамента (размером соответственно в 7 и 6 мм, где может разместиться по 1 букве). Восстановлено на основании второй духовной грамоты Ивана Калиты

³⁸В слове тыми после буквы ы текст не виден на пространстве в 3 мм, где может разместиться 1 буква. Восстановлено на основании второй духовной грамоты Ивана Калиты

³⁹Между буквой п (купленн) и буквой с (свертцѣ) фрагмент пергамента размером в 62 мм, где может разместиться 12–13 букв, частично утрачен и содержит нечитаемый текст. Восстановлено на основании второй духовной грамоты Ивана Калиты

⁴⁰В слове ново^к между буквами н и в утрачен фрагмент пергамента размером в 4 мм, где может разместиться 1 буква. Восстановлено на основании второй духовной грамоты Ивана Калиты

⁴¹Буква о видна плохо, вместо нее может читаться и буква е. В аналогичном месте второй духовной грамоты Ивана Калиты читается собѣ

⁴²Буква о написана схоже с буквой е

⁴³Между буквой и (женчужьныи) и буквой з (золотая) утрачен фрагмент пергамента размером в 31 мм, где может разместиться 6–7 букв. Восстановлено на основании второй духовной грамоты Ивана Калиты

⁴⁴Между буквой е (великий) и буквой ъ (андрѣю) утрачен фрагмент пергамента размером в 96 мм, где может разместиться 17–18 букв. Восстановлено на основании второй духовной грамоты Ивана Калиты, но слово бармами восстанавливается с первой буквой а, как оно написано ниже. Во второй духовной грамоте Ивана Калиты по ошибке написано брмами

22. А | что ксмь нынѣча нарѣдилъ в̄ ко́жу́ха с аламы с женчуго|мь, а то ксмь дал меншимъ дѣтемъ своимъ, Марьи же, Феодо|сьи, ожерелькѣмъ.
- 70 23. А что моихъ погасовъ серебряныхъ, а то ро|здадѣть по п(и)с(ку)пыамъ.
24. А что моѣ руб(ловь)⁴⁵ оу Юски, а то роздадѣть | по ц(е)рквемъ.
25. А чт[о]⁴⁶ сѣ остало из моихъ судовъ из серебряныхъ, | а тымъ подѣлѣтсѣ с(ы)н(о)ве мои и кнѣгини моѣ.
- 75 26. А что сѣ оста|нетъ моихъ пор[т]ъ⁴⁷, а то роздадѣть по всемъ п(и)с(ку)пыамъ и на Мо|сквѣ.
27. А блюдо великоѣ серебряноѣ ѡ д колцѣ, а то ксмь да[л]ъ⁴⁸ | с(вѣ)тѣи Б(огороди)ци Володимѣрской.
28. А приказываю тобѣ, с(ы)ну своѣму | Семену, братью твою молодшую и кнѣгиню свою с меншими | дѣтми, по б(о)зѣ ты имъ будешь печалникъ.
29. А что ксмь даль | с(ы)ну своѣму Семену стадце, а другоѣ Ивану, а иными стады мо|ими подѣлѣтсѣ с(ы)н(о)ве мои и кнѣгини моѣ.
- 80 А на се послуши: о|(те)цъ мои д(у)ш(е)вньи Юсѣфъ, о(те)цъ мои д(у)швньи Федосии, о(те)цъ | мои д(у)ш(е)вньи погъ Д(а)в(ы)дъ.
- А грамоту псалъ дѣлѣкъ кнѣзѣ ве|ликого Кострома.
- А кто сю грамоту порушитъ, судитъ кму б(о)гъ⁴⁹. |

На обороте грамоты на расстоянии 240 мм от верхнего края и 40 мм от левого края (левый край оборота грамоты) светлокори́чевыми чернилами почерком начала XV в. сделана запись, где читаются слова и буквы «дшевнаѣ кнѣ...» и строкой ниже «даниловичъ». На расстоянии 59 мм от нижнего края грамоты и 24 мм от правого края видна сделанная темнокори́чевыми чернилами вертикальная черта, возможно, обозначающая цифру 10. На расстоянии 26 мм от нижнего края грамоты и 27 мм от правого края светлокори́чевыми чернилами полууставом XV в. написано «...ниловича». В самом низу грамоты на месте оттиска от печати светлокори́чевыми чернилами, по-видимому, почерком начала XV в. написаны большие цифры «ѧ» (15). Очевидно, в свое время под этим номером первая душевная грамота Ивана Калиты хранилась в московском великокняжеском архиве.

К грамоте на красном шелковом шнуре привешена восьмиугольная серебряная позолоченная печать великого князя Ивана Даниловича Калиты. На лицевой стороне печати изображен Христос, а на оборотной стороне — Иоанн Предтеча, небесный покровитель Ивана Калиты. Печать имеет круговую надпись, начинающуюся на лицевой стороне и заканчивающуюся на оборотной: «Печать великого кнѣзѣ Ивана».

Грамота написана на листе пергамента неправильной, близкой к прямоугольной, формы размером 255×566×242×577 мм светлокори́чевыми железозалловыми чернилами, уставом первой трети XIV в. Текст написан на 83 строках.

Подлинник — РГАДА. Гос. древлехранилище. Отд. I. Рубр. I. № 1.

⁴⁵ В душевных грамотах московских князей XIV в. слово рубль (в различных числах и падежах) пишется как руб. Следующие после выносной б буквы вставлены в строку на основании написания рубловъ в одном документе XIV в. (РГАДА. Ф. 135. Отд. I. Рубр. III. Ед. хр. 7)

⁴⁶ Между буквой т (что) и буквой с (сѣ) утрачен фрагмент пергамента размером в 4 мм, где может разместиться 1 буква. Восстановлено на основании второй духовной грамоты Ивана Калиты

⁴⁷ В слове портъ между буквами р и ѣ утрачен фрагмент пергамента размером в 6 мм, где может разместиться 1 буква. Восстановлено на основании второй духовной грамоты Ивана Калиты

⁴⁸ Буквы ль стерты и не читаются на пространстве в 8 мм, где может разместиться 1–2 буквы. Во второй духовной грамоте Ивана Калиты вместо ксмь да... читается даю. Восстановлено по содержанию текста второй духовной грамоты Ивана Калиты и аналогичному обороту ксмь даль, который читается в первой духовной грамоте Ивана Калиты ниже, в статье 29

⁴⁹ Вписано над строкой более мелким почерком теми же чернилами

